

Марина и Сергей Дяченко

Зоопарк

*Часть сборника
Уехал славный рыцарь мой
(сборник)*

Марина и Сергей Дяченко

Зоопарк

«Автор»

2003

Дяченко М.

Зоопарк / М. Дяченко — «Автор», 2003

«Валера Войков навсегда запомнил день, когда у входа в зоопарк ему разрешили сфотографироваться с удавом. К удаву еще полагалась сова, но совы оставляли пятилетнего Валеру равнодушным. А удав... удав был восхитительного темно-песочного цвета, с полосками и разводами на чешуйчатых боках. Удав был тяжелый и все время куда-то полз, Валере нелегко было удержать его на плечах...»

© Дяченко М., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Пролог	5
Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Марина и Сергей Дяченко

Зоопарк

*Don't be naughty at the zoo,
Or the zoo-keeper must keep you!*
Детская песенка

Пролог

Валера Войков навсегда запомнил день, когда у входа в зоопарк ему разрешили сфотографироваться с удавом.

К удаву еще полагалась сова, но совы оставляли пятилетнего Валеру равнодушным. А удав... удав был восхитительного темно-песочного цвета, с полосками и разводами на чешуйчатых боках. Удав был тяжелый и все время куда-то полз, Валере нелегко было удержать его на плечах.

– Это она, – сказал парень-фотограф. – Удавиха. Люся. Не бойтесь. Она любит, когда ее гладят. Требуется ласки.

Валере хотелось, чтобы съемка длилась вечно. Он гладил тяжелую Люсю по морде, по загривку, по немигающим глазам; бока ее были одновременно холодные и теплые, они перетекали под пальцами, как струйка песка. Сова смиренно сидела на плече, но на сову Валера не обращал внимания.

Парень щелкнул фотоаппаратом и выдал папе квитанцию: во времена Валериного детства «Полароидов» не было, и фотографии высылали по почте наложенным платежом. Валера долго не мог расстаться с Люсей; вокруг визжали какие-то девчонки, кричали: «Ай, змея!», и еще кричали: «Какая противная!» и «Как он берет ее в руки!», и еще что-то кричали, а сова вдруг нагадила Валере на плечо, и пришлось идти к фонтанчику оттираться...

А потом было разочарование – однообразный скучный зоопарк.

Валера три часа подряд тащил отца от клетки к клетке, не уставая, не хныча и не требуя мороженого. Взбирался на барьер, заглядывал в клетку или в бассейн, рассматривал распростертые на земле хвосты и лапы, сонно вздымающиеся бока, повернутые к решетке спины...

– Ну почему они все спят? Почему они не ходят?

– Идем домой...

– Ну почему они не играют?

– А ты бы играл в клетке?

– Играл бы! Почему они не плавают? Почему не качаются на ветках? Почему?

Часть первая

С научной карьерой у Войкова не сложилось. Жиденькую свою кандидатскую он защитил со скрипом.

Зато было старателен, усидчив, аккуратен; вел общественную работу, обростал нужными связями, обладал немалой практической сметкой и всегда верно угадывал, к кому прилепиться, кому встать в кильватер. «Хозяйственник», – говорили о нем.

Так получилось, что женился Войков и по любви, и очень удачно – на дочери крепкого начальника, не очень большого, но и совсем не маленького. Докторскую писать не стал, зато преуспел в административных начинаниях и в сорок с небольшим лет получил трудный, ответственный, но все же очень значительный пост – директора зоопарка.

А зоопарк – лицо города. Зоопарк один; как бы на бюджете, но как бы и самокупаемый. Как бы единственный, и в то же время – нищий; да, наследство Войкову досталось незавидное. Звери, не удовлетворенные финансовыми поступлениями, болели и дохли в маленьких грязных клетках, и только совершенно бессердечные дети могли смотреть на них с интересом. Те, кто от природы был наделен хоть крохой сострадания, уходили от вольеров в слезах: «Мама! А почему он так в луже лежит? Может быть, он уже умер?»

Предыдущее начальство решало проблему своеобразно: сразу у входа в зоопарк помещался городок аттракционов, где дети должны были потрошить родительские кошельки, вымогать мороженое, кататься на деревянных верблюдах, медведях и слонах, понемногу теряя интерес к настоящим животным. По воскресеньям аттракционы собирали значительную кассу, но запертым в клетках узникам это не приносило облегчения: к моменту воцарения Войкова в живом фонде зоопарка оставались только пара медведей, старый больной лев, страус со страусихой, гриф, пара зубров, пони, две макаки с павианом, жираф-доходяга и большой вольер под названием «Месяц в деревне», содержащий коз, гусей и кур и являющийся на самом деле приусадебным хозяйством прежней администрации.

Тесть отговаривал Войкова. Сгоришь, говорил. На этом месте все сгорают: тяжело. Неприбыльно, и ведь все воруют...

Памятуя наставления тестя, Войков первым делом «зачистил» бухгалтерию и поставил на ключевые посты своих людей. После этого взялся обивать пороги, выпрашивая гранты, пожертвования, дополнительные вливания; кое-что выпросить удалось, но на реконструкцию по-прежнему не хватало.

– От вас не иждивенства ждут, – сказали ему наверху. – Зоопарк – коммерческое предприятие и должен приносить прибыль.

– Звери, что ли, должны зарабатывать? – осторожно пошутил Войков.

– Звери, – ответили ему сурово. – Пусть звери зарабатывают на свое содержание. Пусть позаботятся о себе.

На собранные пожертвования Войков заново побелил медвежатник и купил два новых импортных аттракциона для парка развлечений. Воскресный поток посетителей несколько оживился, но ненадолго; Войков сидел у себя в кабинете, ломая голову над неразрешимой проблемой и понемногу понимая правоту тестя. А устав ломать голову, шел гулять аллеями зоопарка, смотрел, как в детстве, на распростертые по земле бессильные лапы, гривы и хвосты и понимал с беспощадной ясностью: заключенные звери не станут зарабатывать на собственное содержание. Даже пони, возящий ребятишек, ходит по кругу с такой обреченной, такой сумрачной мордой, что и трехлетка трижды подумает, прежде чем садиться в расписную коляску...

И вот в эти дни, полные сомнений и раскаяния, на горизонте Войкова появились Вадик и Денис.

Позвонили секретарю. Договорились о встрече – оба выпускники биофака; Войков удивился. Устраиваться на работу? Куда? Во-первых, нет подходящих вакансий, во-вторых, с чего бы это двум молодым парням стремиться на мизерную зарплату?

Явились для личной беседы. Вадик был изящен, светловолос, яркий свитер сидел на нем элегантно, как смокинг; Денис был простоват, слегка заикался, и костюм с галстуком, напряженный по случаю важной встречи, топорщился на нем, сковывая движения.

Разговор долго не клеился. Ребята, запинаясь, рассказывали о себе – они-де закончили биофак, но в аспирантуру не попали – «знаете, как это бывает»... Войков хотел было рассердиться и, сославшись на дороговизну директорского времени, выставить обоих за дверь. Будто уловив это его настроение, Вадик извлек на свет рекомендательное письмо, вернее, записку от хорошего войковского знакомого, доктора наук, академика. Тот предлагал внимательнее приглядеться к ребятам – они хоть и молоды, но очень перспективны, будущее науки, и все такое прочее, в целом ни к чему не обязывающее.

Войков поморщился. Может быть, настало время перейти к сути вопроса?

Денис мигнул и посмотрел на Вадика. Вадик перешел к сути.

Они – авторы революционной методики, призванной перевернуть представления о работе мозга. Им нужен полигон для экспериментов. Эксперименты совершенно безвредны, безболезненны и не требуют особых затрат. Нужны только подопытные животные. Чем больше, тем лучше.

Войков поскуцнел. Он убил, оказывается, кучу времени на двух молодых сумасшедших, или мистификаторов, или жуликов, что всего хуже; но прежде чем он успел сказать хоть слово, Денис вытащил из сумки пластиковую клетку с белым мышонок, а Вадик извлек откуда-то кулек с мелко нарезанным картоном. На каждом картонном квадратике была написана буква; ни слова не говоря, Вадик высыпал буквы на стол перед директором, а Денис, не моргнув глазом, выпустил туда же мышонок. Войков побагровел; мышонок, вместо того чтобы удирать, или гадить, или прятаться под настольный календарь, как этого можно было бы ожидать от выпущенной на стол мыши, потоптался на месте – и вдруг начал таскать из общей кучи отдельные буквы.

Войков заинтересовался.

Мышонок, действуя быстро и, кажется, совершенно осознанно, сложил перед директором на столе слово «мышь».

– Дрессировщики, – добродушно усмехнулся Войков. – Забавно... Только это не ко мне, ребята. Это в цирк.

– Назовите любое слово, – вкрадчиво попросил Вадик. – Любое.

– Флюгер, – сказал, не думая, Войков.

Мышонок крутанулся на месте, порывшись в горке рассыпанных букв и вытащил «ф». Войков напрягся; мышонок легко разыскал «л» и потратил не менее тридцати секунд на поиски «ю». Войков ждал; Денис смотрел на мышонок не отрываясь, ноздри его раздувались; у Вадика на лбу выступил пот.

Мышонок установил буквы «г», «и», «р».

– Флюгир, – с раздражением сказал Вадик.

Мышонок, не смущаясь, утащил «и» и разыскал взамен «е». После чего уселся на столе и принялся вылизывать лапу.

– Любое слово, – с тихим торжеством сказал Вадик. – Предложение. Или прочтите строчку из сегодняшней газеты...

– Как вы это делаете? – спросил Войков, стараясь не выказывать удивления.

– Метод, – просто признался Денис.

– Бихевиоризм?

– Что вы! Никаких электродов в мозг! Совершенно другая методика, и никакого издеательства над животными!

Мышонок сидел на задних лапах, в передних сжимая твердый знак.

Хотел было грызть, но передумал.

* * *

Прошло две недели, прежде чем Денис и Вадик были приняты на работу с испытательным сроком. Две долгих, полных сомнений недели.

Во-первых, оказалось, что принцип работы «метода» соавторы и сами понимают не до конца. Для того и нужен дополнительный экспериментальный материал – прояснить некоторые спорные моменты.

Во-вторых, рассказав в общих чертах о сути своего открытия, делиться подробностями молодые люди категорически отказались.

– Мы бы могли пристроиться при каком-нибудь институте, – признался Денис, – но там у нас в лучшем случае будет пять соавторов. А в худшем – вообще все сопрут.

Войков, сам ни разу не родивший ни единой, пусть самой пустяковой идеи, прекрасно понимал опасность, которой подвергались изобретатели. Мальчишки без имени, без авторитета, без связей – да, сопрут у них открытие, грех не спереть. И бредовая на первый взгляд мысль пристроиться под крылом Войкова уже не казалась такой неразумной.

Сообразив это, Войков поставил условие: взять в соавторы его, директора, научного, так сказать, руководителя. И публикация под тремя фамилиями.

Изобретатели от такого предложения опешили. Добро бы их собственные фамилии начинались с «А» или «Б» – может быть, реакция не была бы такой острой; но фамилии Вадика и Дениса начинались с «Р» и «Ф», и оба, не сговариваясь, отказались от соавторства с директором. Не для того, мол, сбежали из загребущего академического мира, чтобы получить третьего лишнего в лице директора зоопарка.

Тогда Войков сделал постное лицо и отказал. Неведомые рискованные эксперименты над государственными животными – да это подсудное дело! С чего бы Войкову, честному администратору, идти на преступление, не получая взамен ничего, кроме гипотетической благодарности гипотетических потомков?

Как это ничего, быстро нашелся Денис. А успех зоопарка! У вас звери валяются полудохлые, всем своим видом демонстрируя страдание, а у нас они будут бегать, резвиться, кувыркаться, спариваться, да что угодно! Без ремонта тесных клеток, без реконструкций в загонах, без увеличения площади, без единой копейки капиталовложений – счастливые энергичные звери!

Вот тут-то Войков крепко задумался. Поиграл ручкой «Паркер», постучал костяшками пальцев по столу и напрямую спросил: а на людей ваша методика действует? Могут люди вот так же, без зарплаты, без еды почти, в бараках и клетках радоваться жизни?

Соавторы переглянулись.

– Нет, – мягко сказал Вадик. – Честно говоря, она и на обезьян почти не действует. Особенности строения мозга...

И пустился в пространные объяснения.

– Не врете? – грубо оборвал его Войков. – А то ведь проверят. Как только опубликуете – без вас все проверят. И тогда...

Он многозначительно замолчал, давая понять изобретателям, чем может расплатиться человечество за их познавательский зуд.

Вадик прижал ладони к груди:

– Не врем. Не враги себе.

– Мы друг на друге проверяли! – вступил решительный Денис.

Войков с сомнением покачал головой и потребовал «контрольного эксперимента».

Пробовать решили на пони. После закрытия уединились на хоздворе. На глазах Войкова Денис прилепил к вискам унылого животного две крохотные пластинки. Вадик надел шлем навроде мотоциклетного и широким шлейфом присоединил его к ноутбуку. Больше ничего интересного в первые полчаса не случилось.

Пони стоял, привычно опустив голову, иногда подергивая шкурой, – ждал, когда наступит ночь, когда его оставят в покое. Вадик молчал – его лицо почти полностью было прикрыто щитком шлема; и Денис молчал – сидел, уткнувшись в ноутбук. Войков молчал – ждал результатов; вечерело. Директор терял терпение.

Вдруг пони поднял голову – и посмотрел прямо в глаза Войкову, ясно и внимательно, как никогда не смотрел. Огляделся, будто впервые увидев и хоздвор, и ограду, и странных людей вокруг; встряхнулся и пошел по кругу, никем не принуждаемый, по привычке – и вместе с тем вроде бы удивленно. Обошел круг, потом другой, потом остановился перед Войковым, неуклюже поднялся на дыбы, опустил, будто застеснявшись, и снова понуро опустил голову.

Вадик снял шлем и долго вытирал платочком лоб, виски и слипшиеся от пота волосы. Денис сидел, ничего вокруг не замечая, разглядывая картинку на экране ноутбука.

– А как у вас мышь буквы знает? – спросил Войков.

– Это не мышь, – глядя в пространство, ответил Вадик. – Это Денис. У него высшее образование. А пишет «флюгир».

– А кто сейчас по кругу бегал? Ты бегал?

– Ну... – Вадик пожал плечами. – Не так примити... то есть не так напрямую... я только дал начальный импульс, а бегал Кристалл...

Кристаллом звали пони. Сейчас, когда Вадик снял свой шлем, пони все еще казался удивленным: как будто озарение, побудившее его самостоятельно пробежать два круга и впервые с жеребячьего возраста подняться на дыбы, не могло забыться.

...На следующий день Войков объявил изобретателям свою волю: принять с испытательным сроком на три месяца, но если через три месяца зоопарк не получит ощутимой прибыли – увольнение. Все эксперименты должны проводиться в отсутствие посетителей, и каждый шаг будет контролироваться Войковым лично. Согласны – так и быть. Не согласны – до свидания.

Изобретатели, подумав, согласились.

* * *

Три недели Денис и Вадик работали с пони Кристаллом. Кстати, сами и кормили его. И чистили. А по ночам устраивали эксперименты: с помощью своей секретной методики воздействовали на кору мозга Кристалла, «прокачивая» (терминология Вадика) через нее специально организованные образы, побуждения, команды. Войкову случалось слышать, как они спорили о вещах, даже ему, кандидату биологических наук, не вполне понятных, в то время как забытый пони дремал в углу вольера. Была глухая ночь, спал город и спал зоопарк, а изобретатели сидели друг против друга, каждый с ноутбуком на коленях, и двигали науку все вперед и вперед.

Прошел месяц, и число желающих покататься на пони возросло втрое. Животное где-то выучилось цирковым фокусам: ходило, пританцовывая, по команде кланялось, а если громко спеть ему песню – отбивало копытом ритм, что, между прочим, ни в одну цирковую программу не входит. Малыши визжали от восторга, родители занимали очередь в кассу. Войков выжидал.

Тем временем Денис и Вадик решили разделиться. Не потому, что поссорились (хотя их научные диспуты время от времени грозили закончиться дракой), а потому, что решили

проверить независимо сразу две гипотезы. Денис решил заняться птицами и выбрал для этой цели страуса; Вадик остановился на зубре. Войков разрешил.

Прошел еще месяц. Началась зима; в это время в зоопарке традиционно наступал «мертвый сезон», и так было всегда, но не сейчас. Страус, даже запертый в вонючем птичнике, никогда не присаживался отдохнуть – от открытия до закрытия зоопарка ходил по вольеру, как манекенщица по подиуму. Подходил близко к стеклу и, наклонив голову, заглядывал зрителям в глаза. Кланялся, изображая нечто вроде книксена; публика аплодировала. Предприимчивый Войков догадался прямо под табличкой с надписью «Страус» поставить кружку для пожертвований «в поддержку талантливой птицы»; посетители смеялись, но деньги бросали.

Зубр, зиму проводивший в открытом вольере, тоже начал зарабатывать деньги. Не бродил, как обычно, вдоль решетки, выпрашивая подавание, но бегал, подскакивал, брал барьеры, валялся на земле, задрав ноги, а то и задирали зубриху, с которой Вадик не работал и которая поэтому совершенно не могла понять перемены в настроении своего флегматичного сожителя.

Перед зубром Войков тоже выставил кружку для денег.

Сторожа решили было, что заработанное как зубром, так и страусом принадлежит им тоже; Войков жестоко развеял их заблуждение. Деньги каждый вечер изымались и приходывались. Для хозяйства это были, конечно, копейки, но на мелкие рекламные цели (плакаты, листовки, объявления в газетах) страус и зубр вполне зарабатывали. Со временем оказалось, что страус «получает» больше; Вадик, работавший с зубром, по этому поводу посмеивался, но смех у него выходил почему-то слегка напряженный.

Испытательный срок для изобретателей прошел. Войков зачислил их в штат и обоим прибавил зарплату. Денису – чуть больше (за страуса).

Вскоре после этого зубриха вдруг тоже «проснулась». Два зубра бегали по вольеру, играли в догонялки, едва ли не в чехарду; заработок копытных скоро превзошел заработок страуса.

– Ты что, сбрендил! – кричал Денис Вадика. – Ты частотную закономерность ищи!

А сам научил страуса прятать голову в кадке со специально разрыхленным песком – но не просто так, а только когда в кружку опустят бумажную денежку. В птичнике сделалось тесно – крохотное пространство не рассчитано было на толпу хохочущих поклонников.

Войков заказал рекламу на радио, а потом, поднапрягшись, и на телевидении. Кадр со страусом, за деньги прячущим голову в песок, в считанные дни стал знаменитым. Войков через нужных людей вышел на мировые фонды поддержки зверинцев, зоопарков и живых уголков, и всюду разослал свои материалы.

Началась весна. У касс зоопарка выстроилась очередь. Войков принял на работу двух новых кассиров и велел Денису и Вадика озаботиться медведями.

– Мы науку делаем или в цирк играем? – для порядка возмутился Денис.

– Медведи, – Вадик потирал руки. – Мы же мечтали попробовать на медведях, помнишь?

С медведями пришлось повозиться. Медведей надо было усыплять, чтобы надеть на них пластинки для первого контакта; ветеринар применять снотворное отказался наотрез:

– А не проснутся? С кого спрашивать? Животные ослабленные, авитаминоз, гиподинамия...

Войков, с одной стороны, ветеринара понимал, с другой стороны, надо же было выходить из положения. Вадик подал идею: использовать вместо липких пластинок быстро засыхающий гель с высоким содержанием металла. Такой гель в конце концов изготовили на основе столярного клея и с помощью длинной кисточки нарисовали зверям «наушники» на висках – со стороны, во всяком случае, казалось, будто мишки слушают плеер.

После этого слава страуса померкла перед славой медведей. Они не валялись, как обычно, в дальних углах клетки и не раскачивались вправо-влево перед решеткой, вызывая у детей и родителей острую жалость. Под ментальным «руководством» Вадика они кувыркались на

бревнах, боролись, стояли на голове, а со временем и танцевали вприсядку. Публика на медведей ломилась.

Денис, чей страус потерял былую популярность, возревновал и выпросил у Войкова разрешения заниматься львом.

В это время случилось небывалое – одна из сотни удочек, заброшенных Войковым в рыбное озеро международных фондов, сработала. Вышел грант, не самый большой, но и вовсе не маленький. Вот так получилось, что одновременно с разрешением на работу со львом Денис получил еще трех львиц, молодых, здоровых и дорогущих.

Льва звали Чандром. Он был тощ, изможден, со свалывшейся гривой и жалобно-тонким хвостом. Он был старше Войкова, всю жизнь прожил в зоопарке, и, наверное, если погрузить мясо, недоданное Чандру за все эти годы, в вагоны – получился бы нормальный товарный состав.

У Чандра были все понимающие, мудрые, слезящиеся глаза. Он прекрасно знал и понимал, что никаких львиц ему не положено до смерти; когда трех красоток впустили одну за другой в его вольер, он тихо ошалел.

Чандра публично перекрестили в Султана, и новое имя написали на табличке перед новым вольером. Вольер же перестроили, стилизовав под гарем.

Во время первого контакта Денис и лев просто сидели, уставившись друг на друга. На Денисе был шлем, рядом на скамейке лежал ноутбук. Лев казался спокойным, Денис тяжело дышал.

– Вот зверюга, – говорил потом Денис Войкову, возбужденно потирая виски. – Вот царь зверей, ах ты!..

До объяснений, впрочем, не снизошел.

Взаимное созерцание человека и зверя длилось без малого неделю. Потом лев тряхнул жидкой гривой, Денис подпрыгнул, чуть не уронив ноутбук, и работа началась.

Физические кондиции Чандра-Султана не позволяли устраивать представление ежедневно. Денис составил «распорядок работы гарема», согласно которому самые горячие супружеские сцены приходились на субботу и воскресенье. Лев подходил к барьеру, выбирал среди публики хорошенькую женщину и, глядя ей в глаза, свирепо рычал на весь зоопарк; пока обомлевшая публика приходила в себя, Султан шел к своим султаншам, числом три, и требовал повиновения.

Львицы, бывало, огрызались. Султан укоризненно мотал головой, драл негодных за уши, за что мог получить и тяжелой лапой промеж глаз; публика была в восторге. Рано или поздно одна из львиц, уступив природе, сдавалась, и наиболее консервативные родители спешили увести малышей от вольера, зато менее консервативные – а также молодые пары, не имеющие места для встреч и коротающие поэтому вечера в зоопарке, – старались протолкнуться поближе к решетке. Никто не обращал внимания на Дениса, сидящего в отдалении на скамейке и нервно курящего сигарету за сигаретой.

– Как ты это делаешь? – много раз допытывался Войков. – Ты что, управляешь им, как на ниточках, да?

Денис раздраженно мотал головой. Начинал объяснять, но сбивался на поток невнятных терминов. А может быть, и хитрил – намеренно уводил директора от разгадки, как птица уводит хищника от гнезда.

– И что ты при этом испытываешь? – спрашивал Войков, скабрёзно усмехаясь. Но Денис на провокации не поддавался.

– Испытываю исследовательское вдохновение, – отвечал сухо. И больше ничего нельзя было от него добиться.

Тем временем Вадик запил. Это было внезапно и страшно и не имело видимого объяснения; Войков сам звонил его матери и вел с ней долгие переговоры. Отбивал Вадика у милиции;

вылавливал в каких-то кабаках, запирал в подсобке, тряс за плечи: да ты что, парень?! Вадик молчал, болезненно морщился и бормотал еле слышно:

– Наука...

Денис провел несколько ночей, сидя у кровати вдребезги пьяного, потерявшего человеческий облик Вадика; потом они имели долгий разговор.

Потом Вадик вдруг просветлел. Очнулся, завязал, принес извинения Войкову и попросил разрешения попробовать метод на жирафе. Жираф Манюня привязался к Вадику, как брат: едва завидев его, шел к решетке, наклонял длинную шею, даже, кажется, улыбался мягкими черными губами. Результат не заставил себя ждать: вскоре перед клеткой Манюни толпились зеваки. Жираф ходил, кланялся, пританцовывал, звонил в подвешенный к потолку колокольчик; конечно, с успехом Султана это не могло сравниться, но Войков и тому был рад: главное, Вадик вернулся, выбросил дурь из головы, а успехи – не за горами.

Основания для оптимизма у Войкова были. Мировые фонды дергали удочки одну за другой, директор едва успевал подсекать. Город выделил зоопарку дополнительную площадь; качели-карусели Войков безжалостно снес, а на их месте заложил новые вольеры для купленных, выменянных, полученных в порядке гуманитарной помощи крокодилов, бегемотов, слонов, белых медведей, кенгуру... Вокруг стройки пестрели рекламные щиты. «Здесь будет Империя зверей» – вот что было на них написано.

Явились люди с крупного телеканала: город полнился слухами, пришло время снять документальный фильм. Две недели, пока шли съемки, Войков стоял за спиной оператора и следил, чтобы Денис и Вадик не попали в кадр; впрочем, молодые люди и сами не искали дешевой популярности. Та слава, что ждала их впереди, не нуждалась в размене на сиюминутную экранную мельтешню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.